

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'22

РУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ.
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ¹В. В. Волков, ²Н. В. Волкова, ¹И. В. Гладилина

Тверской государственной университет

¹кафедра русского языка²кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

В статье представлены результаты лингвокогнитивной реконструкции, интерпретации и сопоставления лексико-семантических полей «Русский менталитет» и «Европейская идентичность». Языковой материал полей извлечен из гуманитарных научных текстов, трактующих рассматриваемые ментальные явления, анализу были подвергнуты лишь те слова и словосочетания, которые составляют ядерные части рассматриваемых полей. Исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики, основывается на лингвистическом конструировании семантических полей в сочетании с лексико-семантическим и когнитивно-дискурсивным анализом.

Ключевые слова: русский менталитет, европейская идентичность, лингвоментальные структуры, когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, лексико-семантическое поле.

1. Введение

Любое наднациональное государственное цивилизационное образование основывается на тех фундаментальных ценностях, которые ассоциируются с понятием «менталитет». Русский менталитет на протяжении столетий обеспечивал целостность российской цивилизации, которая облекалась в различные государственные формы: Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация, – в силу чего ментальную основу российской цивилизации по справедливости следует считать не только русским, но и российским менталитетом.

Европейская цивилизация после падения Римской империи была лишена целостной наднациональной государственной оболочки вплоть до конца XX века, когда был создан Европейский союз. Необходимое условие стабильности этого нового наднационального государственного цивилизационного образования – единая для всех составляющих его стран и народов ментальная основа. Искомая ментальная основа современной европейской цивилизации, нашедшей наднациональное оформление в виде Европейского союза, обычно именуется не словосочетанием *европейский менталитет*, а словосочетанием *европейская идентичность*.

Содержание понятия «европейская идентичность» на данный момент является неопределенным. Сопоставление способов конструирования содержания понятий «русский / российский менталитет» и «европейская идентичность», призванных фиксировать ментальные основы российской и европейской цивилизаций соответственно, представляется актуальным как в теоретическом, так и в приклад-

ном аспектах, поскольку оказывается связанным с различными областями гуманитарного знания и практики.

2. Постановка проблемы

Россия и Европа: сходства и различия – таково предельно обобщенное именование той предметной области, которой принадлежит данная работа. В более узком прочтении: ментальные основы российской и европейской цивилизаций, особенности которых могут быть высвечены по методологическому принципу «одно в зеркале другого», на основе сопоставления. Специфика лингвистического подхода к решению этой проблемы – сначала найти перечни тех ключевых языковых единиц, в которых определяются, которыми именуются основные компоненты этих двух ментальных пространств, затем установить их относительно устойчивые языковые значения и дискурсно зависимые контекстуальные смыслы (аналогичная методика использована в нашей работе: [4]).

Исходная задача – получить необходимые перечни языковых единиц – для русского менталитета и европейской идентичности решается лингвистически различным образом: для русского менталитета – это ключевые слова, для европейской идентичности – ключевые словосочетания. Причины структурного различия исходного материала в следующем: 1) в гуманитарной традиции для именовании особенностей русского менталитета как наличной данности используется устоявшийся набор отдельных лексем; 2) особенности европейской идентичности в настоящее время – не наличное, но лишь искомое общеевропейское ментальное целое, которое в гуманитарной традиции однословной фиксации пока не нашло. Целые словосочетания, а не отдельные лексемы для языковой фиксации искомого общеевропейского ментального целого используются в силу того, что в настоящее время отдельные лексемы уже «заняты» в лингвистически клишированных представлениях о национальных характерах разных европейских народов, ср., например, восходящие еще к И. Канту стереотипные формулировки: французы – *живость и легкомыслие*, немцы – *домовитость и рассудительность* и т. д. [10].

Задача отбора ключевых лексем и словосочетаний осложнена неопределенностью родового понятия «национальный характер», что ведет к субъективности и неполноте при характеристике конкретных ментальностей. Ментальные феномены «русский менталитет» и «европейская идентичность» в рамках данной работы понимаются операционально, а именно – как перечни бытующих в различных дискурсах языковых единиц с их своеобразными значениями и смыслами.

Специфическая трудность компактной характеристики русского менталитета – множество предрассудков и мифов, окутывающих Россию, русских и россиян в целом. Подробный разбор этой проблемы представлен в серии книг нынешнего министра культуры России В. Р. Мединского с подзаголовками, в которых лексически точно названы ключевые концепты разнообразных негативных мифов: «О русском пьянстве, лени и жестокости», «О русской демократии, грязи и “тюрьме народов”», «О русском воровстве, душе и долготерпении» (первая книга серии: [14]). Обсуждение такого рода мифов не является конструктивным для решения вопроса об основных компонентах национального характера, поскольку очевидно, что на «плохом» великая страна держаться не может. Следовательно, необходимо сосредоточить внимание на «мелиоративных» аспектах русского национального характера, находящих отображение в точных ключевых словах.

Европейская идентичность – феномен индивидуального и общественного сознания, который в проекции на отдельного человека предстает как самоощущение себя европейцем, а в проекции на европейское сообщество предстает как осознание объединенной Европой (странами и народами ЕС) себя в качестве особого наднационального цивилизационного образования.

Выяснение существа европейской идентичности – как в первом, так и во втором аспектах – составляет актуальную задачу самых различных гуманитарных наук – психологии, социологии, политологии и др. В данной работе авторы рассматривают вопрос о европейской идентичности с позиций когнитивной лингвистики.

С лингвистической точки зрения, *европейская идентичность* – это терминологическое словосочетание, значение и смыслы которого определяются, во-первых, значениями и смыслами двух составляющих его слов, во-вторых, «добавленными» значениями и смыслами, возникающими в словосочетании как «эффект целого», в-третьих, дискурсивными смыслами, возникающими в результате употребления данного словосочетания в различных ситуациях и контекстах.

Идентичность в психологии, социологии, политологии и в других гуманитарных науках применительно к отдельному человеку понимается как свойство считать себя принадлежащим какому-либо или каким-либо сообществам, члены которых объединяются такими особенностями, которые отличают их от членов других сообществ. Идентичность какого-либо сообщества, в свою очередь, понимается как некоторый набор свойств, специфических именно для этого сообщества и в своей совокупности отличающих данное сообщество от других.

Следовательно, европейскую идентичность следует понимать как набор свойств, специфических для сообщества, которое включает людей, сознающих себя европейцами. Вопрос о перечне свойств, совокупность которых может интерпретироваться как «европейская идентичность», на данный момент не имеет однозначного решения.

3. Цель и задачи

Проблеме русского национального характера, российского менталитета – и, с другой стороны, вопросу о содержании понятия «европейская идентичность» посвящена практически необозримая литература. Устраняясь от ее даже самой общей характеристики (обзор истории вопроса см., например: [1; 18]), авторы центрируют внимание на собственно лингвистических составляющих проблем русского менталитета и европейской идентичности, которые в предельно краткой формулировке сводятся к следующему: 1) применительно к русскому менталитету – это вопрос о том, какие лексемы бытуют в гуманитаристике в качестве именованных основных, «ядерных» особенностей русского национального характера, каковы значения и смыслы таких лексем; 2) применительно к европейской идентичности – это вопрос о том, какие словосочетания с опорным словом *идентичность* используются в гуманитарном научном дискурсе в целях характеристики особенностей европейской идентичности, каковы значения и смыслы таких словосочетаний.

Цель данного исследования: 1) на основе отбора бытующих в гуманитарных дискурсах языковых средств обозначения ключевых особенностей, с одной стороны, русского менталитета, с другой стороны, европейской идентичности, реконструировать лексико-семантические поля, включающие соответствующие языковые единицы; 2) в рамках каждого из двух реконструированных указанным образом лексико-семантических полей найти их интегрированные «семантические ядра», вы-

ступающие как концентрированное выражение существа, с одной стороны, русской (российской) ментальности, с другой стороны, европейской идентичности; 3) сопоставить полученные данные.

4. Методы

Данная работа выполняется в русле когнитивной лингвистики, основывается на лингвистическом конструировании семантических полей в сочетании с лексико-семантическим и когнитивно-дискурсивным анализом.

Словосочетания *русская ментальность* и *европейская идентичность* в рамках этого подхода интерпретируются как дескрипторы (заголовочные единицы) соответствующих семантических полей, а в лексикографической проекции – как заголовочные единицы материалов словарного типа (например, существительное *идентичность* в процессе отбора словосочетаний для семантического поля «Европейская идентичность» интерпретируется как потенциальное заголовочное слово статьи словаря сочетаемости лексических единиц).

Последовательность работы: выборка из гуманитарных научных текстов о русской ментальности и европейской идентичности как исходного дискурсивного материала языковых единиц с искомой семантикой, далее лингвистическое конструирование лексико-семантических полей «Русская ментальность» и «Европейская идентичность», интерпретация полученных результатов.

5. Результаты

Первый вопрос. О лексемах, именующих основные свойства русского национального характера.

Набор таких лексем и словосочетаний, наличествующих в гуманитаристике, склонен к регрессии в «дурную бесконечность», поскольку охватывает значительную часть массива именований этических и психологических качеств человека и общества. Оставляя за пределами внимания «пейоративную» составляющую, отметим, что «мелиоративная» часть может быть отождествлена, например, с известными из гуманистической психологии А. Маслоу «потребностями роста» («бытийными ценностями», «метапотребностями»), ср.: *истина, добро, красота, жизненность, индивидуальность, совершенство, необходимость, завершенность, справедливость, порядок, простота, полнота, игра, непринужденность, самодостаточность, осмысленность* [13, с. 444]. Некоторые значимые дополнения из многочисленных работ, трактующих особенности русского менталитета: *стремление к духовному Абсолюту (искание абсолютного добра), истина и правда, совесть, коллективизм и соборность, Бог (религиозность, вера) и судьба, Родина и патриотизм, способность к высшим формам опыта, душевная чуткость (задушевность, эмпатия)* и др. Пожалуй, наиболее авторитетной работой по данному вопросу является книга классика русской религиозной философии Н. О. Лосского «Характер русского народа», название первой главы этой фундаментальной работы («Религиозность русского народа») напрямую называет *религиозность* основной чертой русского национального характера [12].

В оппозицию расхаживаем прецедентным микротекстам, якобы отображающим существо российских проблем (типа *кто виноват* и *что делать, дураки и дороги*) целесообразно поставить два ряда, условно говоря, «прецедентных лексических триад», отображающих реальные сверхценности русских: в секулярной проекции это *истина, добро, красота*, в сакрально-религиозной, опирающейся на свя-

тоотеческую христианскую традицию, – *вера, надежда, любовь*. Эти «лексические триады» на слуху у всех, но в силу специфической национальной «нравственной застенчивости», обусловленной очевидной комплиментарностью данных сверхценностей, озвучиваются не столь часто в качестве ключевых элементов русского «национального портрета», – в отличие от «водка, матрешка, селедка», «огурцы, капуста, квас», «пьянство, лень, жестокость» и подобных отдающих русофобием лексических микромножеств, каузируемых суженным и/или предвзятым взглядом.

Охарактеризуем другие «лексические ключи» к особенностям русского национального характера, которые ближайшим образом рассматриваются в православной аксиологии как учении о ключевых ценностях христианского мирозерцания (филологическая проекция православной аксиологии отражена в нашей работе: [5]).

Истина и правда. У Истины – божественная природа, у Правды – человеческая. Истина – одна и в своей полноте непостижима, «Правд» – много, разных. Есть правда отдельного человека, социальной группы или целого народа, правда этики и права, правда науки (подробнее см.: [2, с. 621–623]). В понимании многоликости Правды – один из источников такой национально-специфической черты русского характера, как *готовность приятия Другого*, «приятия сердцем», по формулировке русского религиозного мыслителя И. А. Ильина [9, с. 90–109], – вместе с правом Другого на собственную Правду. В этой, по слову Достоевского, «всемирной отзывчивости» русских – психоментальный источник многовекового спокойного совместного существования разных народов в пределах России как многонационального и многоконфессионального государства и геополитической роли («миссии») России как миротворческого начала на арене мировой истории (подробнее см., например: [3]).

Судьба и свобода. Спокойное приятие русскими антиномии: с одной стороны, неизбежность предначертанной Судьбы, от которой «не уйдёшь», с другой стороны, дар Свободы, в котором наиболее явственно проступает богоподобие человека, дар Создателя своему творению. Поскольку даром свободы лучше не злоупотреблять, а, в соответствии с христианской святоотеческой традицией, синергично соотносить / соединять свою свободу с божественным промыслом, то лексема *свобода* оказывается в контексте размышлений о русском менталитете очень неточным словом. Ближе к сути русского национального характера – *воля*. Как внутренний психоментальный мотив, Воля, во всяком случае в идеале, – в свободном соединении своих желаний и Божьего промысла, когда свободный выбор оказывается счастливым его отсутствием – на основе свободного приятия своей судьбы, высшего промысла о человеке. Русская *воля вольная* – значит «жить по-божески, в свободном проявлении своего лучшего», но не «жить по собственному произволу», не как *произвол* («что хочу, то ворочу»).

Воля, удаля, подвиг. Д.С. Лихачев в заметке «Просторы и пространство» трактует эти особенности русского национального характера обусловленными своеобразием российского географического пространства [11, с. 14–18]. Иная трактовка: эти особенности фундируются укрепленностью сознания в истинности и «правдивости» соединения высшего предназначения (Судьбы) и собственного свободного произволения этому смутно угадываемому предназначению следовать. *Воля*, результирующая в *подвиге* как душевно-духовном *движении* к высшему, – это синергетическая «сумма» высшего предначертания и личного свободного выбора, *удаль* – в преодолении страха этому выбору следовать.

Коллективизм, соборность, «тоталитарность», *служение*. «Тоталитарность», в соединении с якобы присущей русским «рабской психологией», с якобы

искони свойственной им готовностью безропотно принимать / сносить любой государственно-управленческий произвол, – один из самых распространенных мифов о России. Причина – непонимание, что *соборность* и *коллективизм* – не только условные синонимы, но одновременно и антонимы «тоталитарности». *Соборность* фундируется христианскими истоками русского национального характера, в проекции на повседневную практику социального и межличностного взаимодействия предстает как *коллективизм*. В православии *соборность* трактуется следующим образом: «Свободное единство множества людей, объединенных любовью к Богу и друг к другу...» (как одно из свойств Церкви) [16, с. 365]; в проекции на социальную и межличностную практику *соборность* результирует в восходящий к Евангелию от Иоанна призыв к жертвенному Служению: *Положить душу свою за други своя*.

Особое место в ряду разных вариантов описания основополагающих черт русского менталитета занимает докладная записка графа С. С. Уварова «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения», поданная им императору Николаю I 19 ноября 1833 г. Ее пафос – поиск начал, позволяющих России выстоять «посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе» [17, с. 103].

Уваровскую триаду пытались и пытаются высмеять за якобы «реакционность», «косность», не понимая, что *Православие, Самодержавие, Народность* – лишь слова, средство опредмечивания неких глубинных движений народного духа, которые могут быть выражены и иными, по сути, синонимичными словесными средствами. Другая формулировка тех же самых концептов – *Бог, царь и Отечество*. В современном секулярном обществе слов *Бог* и *царь* избегают, помещая на их место другие именованья тех же самых концептов: *духовно-нравственные основы общества, вертикаль власти, патриотизм* [7, с. 115].

Православие лежит в цивилизационном фундаменте русского менталитета. По удачной формулировке, именно православие «придает внутреннюю определенность менталитету массового сознания русского народа и на тысячелетие определяет душевный потенциал русской нации» [15, с. 118]. В этом цивилизационная функция любой мировой религии, придающей «внутреннюю определенность» всем последующим составляющим культурного и государственного строительства. С этой точки зрения, сложность поиска определений современной «европейской идентичности» – неопределенность религиозного фундамента европейской цивилизации в том виде, как она сложилась к рубежу XX–XXI веков.

Уваровская формула российской ментальности как в ее исходном варианте, так и в последующих модификациях, обусловленных движением времени, включает три базовых компонента: 1) духовно-религиозный, 2) государственный, 3) национальный. Думается, эти компоненты носят универсальный характер. Предпринятое авторами исследование дискурсивных подходов к европейской ментальности обнаруживает совпадение лишь по двум параметрам – «государственность» и «национальность» и неактуализованность параметра «религиозность», в том числе и в модернизированной формулировке этого параметра «духовно-нравственные основы общества».

Второй вопрос. О словосочетаниях, соотносительных с понятием «европейская идентичность».

Прилагательное *европейский* в составе собственного именованья *Европейский союз* образовано от существительного *Европа*, которое характеризуется ши-

роким набором узуально-языковых и контекстуально-речевых (дискурсивных) значений и смыслов, ядро которых сводится к следующему: *Европа* – это некоторое пространство со специфическими географическими, культурными, историческими, экономическими и языковыми границами. Представления о «географической», «культурной» и т. д. Европе отображаются в семантике прилагательного *европейский*, существительного *европеец* и в различных словосочетаниях, включающих прилагательное *европейский*. Эти значения и смыслы отображаются и в семантике словосочетания *европейская идентичность*, которая в наиболее общей формулировке сводится к следующему: «идентичность, характерная для Европы (европейских народов и государств), для европейцев».

Найденный нами языковой материал, составляющий лексико-семантическое поле «Европейская идентичность», по структурно-грамматическим особенностям делится на два класса: 1) словосочетания типа «прил. + сущ. *идентичность*»; 2) словосочетания типа «сущ. + сущ. *идентичность*». Языковой материал этих классов далее делится на группы, отражающие разные аспекты европейской идентичности.

1. Словосочетания типа «прил. + сущ. *идентичность*» выражают атрибутивные отношения (зависимое прилагательное характеризует главное слово словосочетания *идентичность* в каком-либо особом аспекте); по семантике зависимых прилагательных выявляются следующие группы словосочетаний, номинирующих отдельные аспекты европейской идентичности в ее онтологическом модусе.

Интегральный аспект европейской идентичности фиксируется родовыми определениями *европейская* / *общеευропейская*, конкретизируется в двух подгруппах: 1) «национальный аспект (по отношению к европейской идентичности как целому)»: *постнациональная* / *транснациональная* / *интернациональная* / *наднациональная*; 2) «государственный аспект»: *гражданская* / *общегражданская*, *государственная* / *конституционная*.

Частные аспекты идентичности народов и государств, составляющих Европейский союз:

национальный аспект (по отношению к отдельным европейским народам): *национальная*, *этническая*, «*старых европейцев*» / «*новых европейцев*» / *европейских наций* / *национальных меньшинств*, *Франции* / *Германии*, *французов* / *немцев* / *европейских наций (народов)*, *немецкая*, *французская*...;

политический аспект: *политическая*, *внешнеполитическая*, *демократическая*;

историко-культурный аспект: *историческая*, *культурная*;

религиозный аспект: *религиозная* / *конфессиональная* / *христианская* / *мусульманская*;

социальный аспект: *социальная*, *групповая* / *внутригрупповая* / *коллективная*, *личностная*, *гендерная* / *половая (женская / мужская)*, *молодежи (молодых людей)*;

географический аспект: *локальная* / *локально-территориальная*, *региональная*.

Комбинированные характеристики: *этнокультурная*, *социокультурная*, *этногендерная*, *национально-государственная*, *национально-культурная*, *национально-политическая*.

Поименованные в приведенных атрибутивных словосочетаниях онтологические аспекты могут рассматриваться как самостоятельные предметные области.

2. Словосочетания типа «сущ. + сущ. идентичность в Род. падеже» выражают объектно-атрибутивные отношения: 1) семантика главных слов словосочетаний соотносится с отдельными целями изучения идентичности (эпистемический модус); 2) зависимое существительное *идентичность* – именование целевого объекта.

В гуманитарных дискурсах, связанных с задачами исследования европейской идентичности, представлены следующие словосочетания, фиксирующие частные «углы зрения» на идентичность как объект изучения: *феномен / понятие / проблема / тема / вопросы / размышления (об) / изучение / анализ / аспекты / грани / рамки / основания / специфика / структура / теория / модель идентичности*. Каждое из этих существительных может рассматриваться как условный синоним понятия «цель» (исследования идентичности), с той или иной акцентировкой.

Частные задачи гуманитарного исследования и соотносительные с этими задачами общенаучные понятия фиксируются следующими словосочетаниями: *основания / факторы / индикаторы / элементы / символы / категории / дискурс / принцип / критерии... идентичности*.

Дальнейшее исследование материалов лексико-семантического поля «Европейская идентичность» основывается на осмыслении структуры поля и его интерпретации как системного целого.

Своеобразие решения задачи интерпретации определяется тем, какой из элементов поля выбирается в качестве «точки входа» в системное целое.

Выберем в качестве «точек входа» лексемы *проблема, история* и *модель* (европейской идентичности).

Существо *проблемы* европейской идентичности кроется, во-первых, в *истории*, в исторической изменчивости идентичности, во-вторых, в *модели* идентичности, главная трудность конструирования которой – разрыв между наличным и желаемым.

История (временной аспект) идентичности в современных гуманитарных дискурсах осмысливается как движение от стихийно складывавшихся / сложившихся ее оснований – к рационально проектируемым основаниям. Иными словами, *основания* европейской идентичности во временной проекции: история (прошлое), современность (настоящее), проект (будущее).

Изменчивость / стабильность идентичности во времени фиксируется в словосочетаниях: *устойчивая, неизменная / динамичная* идентичность.

Основания идентичности – это факторы, объединяющие европейские страны / народы в целое: история, территория, язык, культура, экономика. Все эти факторы являются как объединяющими, так и разъединяющими, что в языковой проекции результирует в словосочетаниях: *игры с идентичностями, конфликты идентичностей, (взаимная) контр-идентичность, фрагментация идентичностей, угрозы / вызовы / подрыв, защита / спасение / битва за, триумф (европейской) идентичности*.

Изменения идентичности в историческом времени соотносятся с понятием «событие», которое целесообразно осмысливать следующим образом: «что с (европейской) идентичностью происходит, может / должно (бы) происходить».

События, происходящие с самой идентичностью vs операции (исследовательские, политические и иные), производимые над идентичностью, фиксируются следующими словосочетаниями: *кризис / парадоксы / поиски / метаморфозы / трансформация / эволюция / плюрализация / выбор / формирование / конструирование / тенденции становления... (новой) идентичности*.

Модель идентичности (аспект наличного и желаемого): с одной стороны, реконструкция наличного «положения дел», с другой стороны, проект.

Наличное в идентичности осмысливается как ресурс общественного / государственного развития, проект желаемой европейской идентичности рассматривается, с одной стороны, как основа развития, с другой стороны – его цель.

Реализация проекта сводится к ликвидации разрыва между наличным и желаемым.

Наличное: множество различных идентичностей, лишенных единого основания.

Желаемое ассоциируется с конструированием единого основания, фиксируется словосочетанием *новая идентичность*. Новая идентичность при этом понимается как интегральное целое, в рамках которого интегрирующий аспект общеевропейской идентичности надстраивается над нижележащими уровнями частных идентичностей.

Иными словами, новая европейская идентичность представляет собой «мультиидентичность», ее графическая метафора – пирамида, нижняя часть которой складывается из множества частных идентичностей, вершина – европейская идентичность как интегрирующее целое.

Макрокомпоненты интегрирующей «новой идентичности»:

1. Поскольку Европейский союз представляет собой цивилизационное образование, объединяющее ряд различных государств и народов, связанных с Европой, то в качестве интегрирующего элемента – наднациональная и надгосударственная гражданственность / гражданство (формальное vs реальное).

2. Поскольку идентичность имеет онтологический статус, обладает бытийностью только в том случае, если представляет собой некоторую особенность самосознания индивида, то желаемый психологический результат – сознание человеком себя органичным членом новой (наднациональной, надгосударственной) общности.

3. Базовые ценности, составляющие конституционное основу Европейского союза как нового надгосударственного образования.

«Новая идентичность» как вершинная часть «пирамиды идентичностей», как интегрирующая основа европейской мультиидентичности требует решить задачу иерархизации всей системы идентичностей, найти целесообразную общеевропейскую *политику идентичности* как практическую реализацию идеи наднационального устройства общества.

Искомая система идентичностей и каузируемая ею политика идентичности в гуманитарном дискурсе отображается словосочетаниями *гибридная / множественная* идентичность, ее соотнесенность с предыдущим / актуальным положением дел фиксируется словосочетаниями *постнациональный / транснациональный порядок*. С лингвистической точки зрения, определения *постнациональный / транснациональный* трудно признать удачными, поскольку они отсылают к представлению о нивелировании, «уничтожении» национального, что в современных условиях не может рассматриваться как соответствующее действительности.

6. Заключение

Вопрос о содержании понятий «русский менталитет» и «европейская идентичность» в традиционной огласовке предстает как вопрос о «национальной идее» – «государственной идее» России и Европы. В более современной формули-

ровке – это вопрос о тех ключевых задачах цивилизационного и государственного строительства, которые подспудно фиксированы в ментальных особенностях, с одной стороны, российских, с другой стороны – европейских народов.

«Русская идея» на протяжении столетий эволюционировала, но ее основу всегда составляла *религиозность (vera)* и соотносительный с ней *патриотизм* в специфическом наднациональном прочтении «сохранение духовных основ национально-государственной жизни». Эволюцию этих основ афористически четко охарактеризовал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в январе 2015 года в своем первом в новейшей отечественной истории выступлении в Государственной Думе. Каждый из важнейших этапов отечественной истории, по его словам, целесообразно соотнести с одной из базовых ценностей: Древняя Русь – святость и высота человеческого духа, которые могут быть обозначены одним словом – *vera*, последующая Российская империя – *державность*, советская эпоха – *справедливость* и *солидарность*, современная эпоха – *свобода* и *достоинство*. «Чуть раньше, на 15-м Соборе, – пояснил Патриарх, – мы сформулировали еще более широкий перечень ценностей, лежащих в основе национальной идентичности. Кроме перечисленных, это – мир, единство, нравственность, честность, патриотизм, милосердие, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность» [8]. Думается, именно эти освященные высоким авторитетом формулировки и следует полагать в основание интерпретации основного содержания русского менталитета.

«Европейская идея» в современном интегрированном выражении – политическое и экономическое, наднациональное и надгосударственное *единство*. Проблема в том, что *единство* как таковое самостоятельной онтологической ценностью не обладает. Ценность единства в том, что оно может выступать средством реализации каких-либо более глубоких ценностей. Средством, но не самостоятельной целью.

Необходимое условие бытийности новой европейской (интегральной) идентичности – преодоление частных идентичностей на основе их интеграции в новое системное целое. Искомая интегративная основа новой, общеевропейской идентичности конструируется как идентичность наднациональная и надгосударственная. Следовательно, ближайшие языковые аналоги, характеризующие эту искомую идентичность, – *интернационализм*, *транснационализм* и *глобализм*. Данные аналоги, с лингвистической точки зрения, трудно признать удачными (подробнее в нашей работе: [6]).

Интернационализм как идеологическое и политическое явление, в соответствии со вторичным значением префикса *интер-* ‘внутри / внутри’, предполагает вовлечение *наций* в некое особое *интер-пространство между* ними, в котором (*внутри* которого) своеобразии каждой нации оказывается нейтрализованным.

Семантически ключевая приставка в прилагательном *транснациональный* – *транс-* с доминантной семой ‘пересечь / пересекать’ (движение через *внешние* границы чего-л.). Основное значение латинского этимона *trans* ‘сквозь, через’ ассоциируется с *внешними* границами. В прилагательном *транснациональный* значение ‘сквозь, через’ и производное ‘дальше’ развиваются во ‘вне’ (*транснациональный* = «внеациональный»).

Интернационализм в современном *транснационализме* и *глобализме* более радикален, основывается на идее принудительного единообразия и управления из единого центра, далее трансформируется в сугубо деловой политической вопрос о конкретных субъектах управления, подчиняющихся своим решениям абсолютно всех участников процесса глобализации.

Таким образом, целесообразнее пользоваться словосочетаниями *гибридная / множественная* идентичность, графическое отображение такой идентичности – пирамида, нижняя часть которой складывается из множества частных идентичностей, вершина – европейская наднациональная и надгосударственная общегражданская идентичность как интегрирующее целое.

Список литературы

1. Андросова Д. Н. Европейская идентичность и европейская интеграция (обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 2. С. 172–188.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Власов В. И. К вопросу о миссии русских, их национальных чертах и свойствах, особенностях характера // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2012. № 1 С. 81–95.
4. Волков В. В. Лингвокультурный концепт «Война»: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 103–113.
5. Волков В. В., Волкова Н. В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 147–157.
6. Волков В. В., Волкова Н. В., Тогоева С. И. Лингвокогнитивная игра как средство манипулятивного программирования (на материале приставок *интер-* и *транс-*) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 3. С. 62–69.
7. Волков В. В., Гладилина И. В. Художественный текст в преподавании русского языка как иностранного: учеб. пособие / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2014. 156 с.
8. Дума Патриарха: Патриарх Московский и всея Руси Кирилл впервые выступил в Госдуме [Электронный ресурс] // Российская газета (Федеральный выпуск). 23 января 2015 г. № 12(6583). URL: <http://www.rg.ru/2015/01/23/patriarkh.html> (дата обращения: 20.02.2019).
9. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2002. 586 с.
10. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. 511 с.
11. Лихачев Д. С. Заметки о русском. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2014. 480 с.
12. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
13. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с.
14. Мединский В. Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 576 с.
15. Ореховская Н. А. Роль православия в формировании массового сознания русского народа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2009. № 3. С. 117–122.
16. Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель–АСТ, 2008. 447 с.
17. Уваров С. С. Государственные основы. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 608 с.
18. Zappettini F. Transnationalism as an Index to Construct European Identities: An Analysis of ‘Transeuropean’ Discourses // Russian Journal of Linguistics. 2017. № 21 (2). P. 260–281.

**RUSSIAN MENTALITY AND EUROPEAN IDENTITY.
THE LINGUISTIC AND LINGUO-MENTAL ASPECTS**

¹V. V. Volkov, ²N. V. Volkova, ¹I. V. Gladilina

Tver State University

¹*the Department of Russian Language*

²*the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation*

The article represents the results of the linguistic-cognitive reconstruction, interpretation and comparison of the lexico-semantic fields “Russian Mentality” and “European Identity”. The linguistic materials were extracted from texts belonging to the sphere of humanitarian scholarship, where these mental phenomena were being represented and analysed, while only the core parts of those fields comprising studied words and word-combinations, were taken into consideration. The study is undertaken within the traditions of cognitive linguistics, it is based on the method of linguistic reconstruction of the semantic fields on the par with lexico-semantic and and cognitive-discursive analysis.

Keywords: *Russian mentality, European identity, lingvomental structures, cognitive linguistics, political linguistics, lexical-semantic field.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volknat@mail.ru.

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

VOLKOVA Natalya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volknat@mail.ru.

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.